

ВОРОНЕЖСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ МУЗЕЙ.

379.44(с)714(с136.1)

Н-30

НАРОДНЫЙ ПОБЫТ

ВЫПУСК I.

Воронеж. 1927.

Н. 60

13 КНИГ
С.П. Григорова

НАРОДНЫЙ ПОБЫТ

*Материалы и исследования по этнографии Воронежского края,
издаваемые под редакцией Зав. Этногр. Отд. Воронежского
Государственного Музея Ф. И. Поликарпова.*

ВЫПУСК I

ПРОВЕРЕНО

Издание Воронежского Губмузея

Воронеж 1927

БИБЛИОТЕКА

2 м с 1975

+502.7 (с 136-1)

От редакции.

За два года работы Воронежской Этнографической Комиссии вполне определилась нужда в собственном печатном органе по вопросам этнографии. так как за это время накопилось значительное количество материала, имеющего научное значение: этнографическая работа в нашей губернии, как видно из печатаемого ниже обзора, велась не только членами Комиссии, но и многими другими лицами и затрагивала разнообразные вопросы местного быта.

С другой стороны, если в прежнее время бытовыми вопросами интересовались специалисты-этнографы и небольшой круг любителей, то теперь этот интерес вышел далеко за пределы такого узкого круга.

Помимо широкой публики, начинающей в этом направлении проявлять большое внимание, мы имеем в виду главным образом учащихся и учащихся наших школ, педтехникумов и студентов Университета.

Что касается содержания сборника, то некоторая неполнота его и пестрота помещаемых в нем статей объясняется небольшим его размером; в него вошли статьи, заключающие наиболее новые сведения.

Если обстоятельства будут благоприятствовать, эти недочеты будут исправлены в следующих выпусках сборника «Новый Побыт», которые приобретут более полный характер.

Этнографическая работа в Воронежской губернии в революционные годы (1917—1927¹).

I.

Работа по изучению Воронежской губ. в этнографическом отношении за годы революции делится на два периода: первый с 1917 по 1925 г., когда это изучение производилось отдельными любителями этнографии, и второй—с 1925 г по настоящее время, когда работа начинает принимать планомерный, систематический, характер.

Под влиянием разнообразных событий жизни деревни в годы войны и революции начал терпеть большую ломку старый быт и многое в этом быту грозило навсегда исчезнуть. Это побудило и центральных и местных этнографов спешно заняться наблюдениями над жизнью деревни, а также приобретением («товарообмен») предметов быта.

Таковыми наблюдениями в нашей губернии занималось в эти годы несколько лиц.

А. М. Путинцев продолжал собирание этнографического материала главным образом в районе давно изучавшихся им «талагаев» (однодворцы Коротоякского у.). В 1920 г. вместе с *Л. И. Некрасовой*,—командированной Московской этнографической комиссией для изучения местной одежды,—он об'ездил Коротоякский уезд и собрал здесь значительный материал (см. его ст. «Из этнографических впечатлений и наблюдений. Коротоякский уезд Воронежской губ.»—Ворон. Ист.-арх. Вестн., в 2, 1921 г., стр. 42—46). В издававшемся под его редакцией только что названном Вестнике кроме указанных «впечатлений» им-же было помещено: «О собирании произведений устного словесного творчества» (в. 1, стр. 19—21, и отдельной листовкой) и «Этнографические мелочи» (в. 2, стр. 59—60).

Начинает этнографическую работу *Н. В. Валужинский*, обходивший целый ряд сел Воронежского, Острогожского, б. Коротоякского, Нижнедевицкого, б. Землянского, Валуйского и Богучарского у.у. для зарисовок, в результате чего было накоплено значительное количество рисунков, представляющих довольно ценный материал (часть этих рисунков имеется в Этнографическом Отделе Ворон. Гос. Музея). В 1923 г. им напечатана «Деревня Воронежского уезда. Из впечатлений художника-этнографа» Воронеж, 1923, стр. 6+6 табл. (см. отзыв *Д. К. Зеленина*: «Этнография», в. 1—2, 1926 г., стр. 149).

¹) Доложено в заседании Ворон. Краев. Общества 28 янв. 1927 г.

В 1924 г. *А. М. Путинцев* и *Н. В. Валужинский* объединились для работы и «ходили в Тавров (с. Ворон. у.) за песнями», где первым был собран материал по народному песенному творчеству, вторым сделаны зарисовки. Это «хождение» было ими повторено в 1926 г.

Студ. унив. *Б. Е. Бельмасов* изучал говор с.с. Бродового, Бобровского у., и Латного, Шумейки и др. Воронежского у.

В том-же 1924 г. *А. М. Путинцевым* были сделаны доклады: в Воронеж. Краев. Обществе—«Тавровская песня» и «Кукольная комедия» (последний напечатан в «Воронежской Литературной Беседе», Ворон., 1925 г., стр. 3—14); на 1-ой Обл. Краеведч. Конференции Ц. Ч. О.—«К методологии собирания памятников устной поэзии» и «Современная Воронежская песня» и в Русском Библиологическом Обществе в Ленинграде: «Кольцовская песня в народе» и «Кольцов, как собиратель русских народных пословиц» (последний напечатан в III т. Ученых Записок Воронеж. Госуд. Универс., стр. 75—95).

Ф. И. Поликарповым прочитаны два доклада в Ворон. Краев. Обществе: «Об этнографическом изучении Воронежской губернии» (в извлечении напечатано в «Ворон. Краев Сборнике», в. 3, Ворон., 1925 г., стр. 14—18) и «К вопросу о происхождении названий населенных пунктов Воронежской губернии (по поводу ст. проф. *А. С. Невзорова*)».

II.

В начале 1925 г. в истории Воронежской этнографии произошло важное событие: при Этнографическом Отделе Воронеж. Гос. Музея была организована Этнографическая Комиссия в составе завед. музеем *Н. В. Валужинского*, завед. Никитинским музеем—*А. М. Путинцева*, завед. Этногр. Отд. *Ф. И. Поликарпова* и научн. сотр. *К. В. Быстржинского* и *И. В. Литвинова*. С организацией Комиссии в Воронеже образовался этнографический центр, вокруг которого должны сплотиться разрозненные доселе этнографы.

Работа Комиссии, в которой на первых-же порах приняли участие студенты Педфака, протекала в двух направлениях: по части проработки накопленного уже материала и по части дальнейшего, систематического, изучения губернии и собирания этнографического материала, которым все еще богата Воронежская губерния.

Комиссия сразу же приступила к организации экскурсий и экспедиций, о которых будет сказано ниже, и к собиранию материала по местной библиографии, по составлению этнографической карты Воронежской губ., выработала пятилетний план обследования края (районы—талагайский, цуканский, смешанный—переходный, украинский, а также немецкая колония) и пр. Кроме того, по инициативе *А. М. Путинцева*, в том же году началось копирование рукописей ученого архива Рус. Географ. Общества (копии главнейших рукописей уже имеются в Этнографическом Отделе и в Никитинском Музее).

Одним из начинаний Комиссии была реорганизация Этнографического Отдела Воронежского Музея, который в новом виде был открыт для обозрения 15 октября 1925 года.

Ко дню открытия Отдела была выпущена изданная домашними средствами однодневка: „Воронежская Живая Старина“, в которую вошли: а) статьи: *Ф. И. Поликарпова*—«К открытию Этнографического Отдела», „Сторожевская старинная усадьба“ (с чертежем) и «Из отчета Этнографического Отдела»; *Н. В. Валужинского*: «Великорусская печь Воронежской губ.», *А. М. Путинцева*—«Сторожевские скоморошеские прибаутки», *В. К. Быстржинского*—«Годовой отчет Этнографической Комиссии за 1924—1925 год»; б) рисунки *Н. В. Валужинского*: Боршевская печь и трубы, Оськинский токарь, Олень-Колодезская мельница, Костенские ступы, Урывский рушник и в) фотографии *К. В. Быстржинского*: Сторожевские старинные окошко и печь (к ст. Поликарпова), «Поляна» в с. Сторожевом и др.

В день открытия Отдела—15 октября в большом зале Музея состоялось открытое заседание Комиссии, на котором были прочитаны доклады: *Ф. И. Поликарповым*—«Этнографический Отдел Воронежского Госмузея и его ближайшие задачи», *Н. В. Валужинским*—«К вопросу об изучении искусства деревни Воронежской губернии» и *А. М. Путинцевым*—«Путь новой народной песни» и прослушан этнографический концерт: лирник *И. Н. Саврасов* исполнил под аккомпанимент лиры старинные песни, «страданья»: Елецкие, Воронежские, Саратовские, Ливенские и пригудку «Барыня», после чего были поставлены на громмофоне пластинки с песнями Ворон. губ., записанными *М. Е. Пятницким* (последним присланы в Никитинский Музей).

Летом 1925 года в пределах Воронежской губернии велась напряженная этнографическая работа, в которой приняли участие Этнографическая Комиссия, Краеведческое Общество, Ленинградская Экспедиция и разные лица.

С 30 мая по 1 июня в с. Ямном, Воронежского у., работала этнографическая экскурсия, организованная Этнографической Комиссией. Экскурсия имела целью обследование быта населения, проверку на практике методов работы, проработанных Комиссией, и практическую подготовку учащихся к научно-собирательской работе. Кроме членов Комиссии, руководивших работой экскурсии, в ней участвовали слушатели техникума ИЗО и студенты Педфака, всего 18 человек.

ИЗО-вцы под руководством *Н. В. Валужинского* производили обследование и зарисовки типов усадьбы и жилища (всего зарисовано около 120 сюжетов). Студенты Пед. факультета во главе с *А. М. Путинцевым* обследовали народное творчество, верования, обряды и особенности говора, имеющего на ряду с южно-великорусскими и северо-великорусские черты. *Ф. И. Поликарповым* с руководимой им группой студентов обследованы церковная летопись и народные предания, пища и напитки, современная крестьянская одежда и типы костюмов предшествовавшего времени (зарисовки). Кроме зарисовок *Б. Е. Бельмасовым* сделаны 20 фотографий, с которых им-же были изготовлены диапозитивы для иллюстрации докладов.

Результаты работ были доложены на 3-х заседаниях культурно-исторической секции Воронежского Краеведческого Общества; были прочитаны следующие доклады: *Н. В. Валужинским*—Постройки с. Ямного, студ. *М. И. Ивановой* и *Н. Афонской*—Одежда, студ. *А. И. Шведовой*—Пища и напитки, *Ф. И. Поликарповым*—С. Ямное—исторический очерк, *Б. Е. Бельмасовым*—Особенности говора с. Ямного, *В. П. Чужимовым*—Верования и обряды, *А. М. Путинцевым*—Народная песня в с. Ямном.

В заключение обсуждались результаты экскурсии в отношении ее организации и методологии собраний (по докладам *А. М. Путинцева* и *Ф. И. Поликарпова*).

Материал передан—по материальной культуре в Этнографический Отдел Госмузея, по народной поэзии—в Никитинский музей (см. заметки *Ф. И. Поликарпова*—«Этнографическая экскурсия в с. Ямное», в Изв. Ворон. Краев. Общ., 1925 г., № 1, и *Б. Е. Бельмасова* «Воронежские этнографические экскурсии», Этнография, 1926 г., № 1—2, стр. 700—701).

На средства Музейного Отдела Главнауки и местного Губполитпросвета Этнографической Комиссией была организована экспедиция в с. Сторожевое, б. Коротоякского у., работавшая здесь с 29 июня по 12 июля; в состав экспедиции входили: проф. *А. М. Путинцев* (общее руководство работами и духовная культура), *Ф. И. Поликарпов* (история края и народные предания, старый быт, постройки, одежда) и *В. К. Быстржинский* (занятие жителей, пища и напитки, фотографирование и секретарская часть).

С возложенными на нее задачами экспедиция вполне справилась и члены ее вывезли из с. Сторожевого богатый материал, характеризующий старый и новый быт в разных его проявлениях; для Этнографического Отдела были приобретены костюмы, предметы домашнего обихода, свадебные «терема» (печенье из теста шалки), ручная мельница («жернова»), старинная «рассоха» (соха), сделано около 80 фотографических снимков и пр.

Сторожевое—первое в губернии селение, быт которого был обследован более или менее подробно и научно-планомерно (См. ст. *Ф. И. Поликарпова* «Этнографическая экспедиция»—Ворон. Коммуна, 1925 г., № 162).

Местное Краеведческое Общество, в лице председателя *С. Н. Введенского*, изыскало средства для обследования с. с. Б. Верейки, Донской Негачевки, б. Землянского у., и Пекишева, б. Задонского уезда, производившегося студ. Пед. Факультета *М. И. Ивановой*.

Результатом этого обследования было приобретение для Этнографического Отдела 12 предметов: почти полный девичий костюм, кокошник, платок и пр. из с. Б. Верейка и ряд очерков *М. И. Ивановой*, поступивших в архив Этнографического Отдела: 1) Одежда и украшения в с. Б. Верейка с 10 листами рисунков, 2) Сказки, записанные в с. Б. Верейка: «Как старушка-вдова жила с сыном». «Михал Водч и Микалай Водч», «Сказка про Бирюка» и «Марья Царевна»; 3) Верейские песни 127 песен и 19 частушек, 4) С. Пекишево, Задонского у. (Общий очерк. Экономическая характеристика села. Жилище и постройки. Одежда. Пища. Семья. Частушки («приказки», 65 №№). Прозвища крестьян. Приложены 5 рисунков: избы и окон.) 5) С. Донская

Негачевка, Землянского у. Общий очерк. Пища и напитки. Детские игры и игрушки (круговая, лапта, цыганская лапта, селезень и утка, иглочка с ниточкой, горелка, игры в бегалки, таборья, чикачки, ножи, сичачки, куклы, стрюкошки). Частушки («прикаски» и «страдовые» 42 №№), 1 свад. и 1 «тягучая» песни. Средства передвижения. Обработка конопли. Домашняя утварь (названия). Приложено 26 листов с рис. средств передвижения и утвари.

Обследование т. *Ивановой* производилось параллельно с юго-восточной экспедицией РАИМК, которая собрала в б. Задонском и Землянском уездах богатый материал по духовной (говор, свадьба, праздники, записано 60 сказок) и материальной культуре (постройки, одежда. См. Изв. Ворон. Кр. Общ. 1925 г., № 2, стр. 21—23, ст. *Е. Э. Бломквист* и *Н. П. Гринковой*: «Этнографические экскурсии в бывш. Задонский и Землянский уезды», и журн. «Этнография», № 1—2, стр. 323).

На основании собранного материала *Н. П. Гринковой* приготовлена к печати работа: «Одежда однодворцев и барских в Воронежской губ.» и напечатаны—«Сказки Куприянихи» (Русский Худ. Фольклор, 1926 г., в 1, стр. 81—98. Сказки собраны в с. Б. Верейка Землянского уезда).

По поручению Этнографического Отдела слушателем Ветеринарного Техникума *В. Н. Вележесвым* была обследована в этнографическом отношении сл. Гончаровка, б. Острогожского у., результатом чего явилась сданная им в архив Отдела рукопись: «Постройки и одежда в сл. Гончаровке».

По поручению того же отдела *Т. И. Поликарповой* производилась запись песен и частушек в с. Никольском на Еманге (сданы в Никитинский музей); она же приступила к собиранию материалов для «Воронежского мещанского сонника».

Студ. Пед. Фак. *А. Н. Небольсин* собирал материал по свадебному обряду в с. Горенских Выселках, Воронежского у. (работа не закончена), при чем им были записаны мелодии некоторых песен.

Слуш. Техн. ИЗО—*О. А. Черенкова* обследовала детские игрушки в сл. Калаче, Богучарского у., собрала коллекцию игрушек, которую вместе с зарисовками передала в Этнографический Отдел.

Обработка Сторожевских материалов дала ряд тем, по которым готовятся к печати работы: *А. М. Путинцевым*: «Талагайский свадебный обряд в с. Сторожевом», «Сторожевские табачные прибаутки», «Народная песня в с. Сторожевом», и *Ф. И. Поликарповым*: «С. Сторожевое. Историко-этнографический очерк. (Предисловие. I. Общие сведения о заселении Коротоякского края. II—III. Исторические сведения о селе. IV. Народные предания. V. Старинная усадьба. VI. Старинная одежда. VII. Заключение), «Сторожевская современная усадьба», «Сторожевская современная одежда».

Предполагается, что эти работы войдут в один из сборников Воронежского Краеведческого Общества.

Помимо участия в Сторожевской экспедиции, *Ф. И. Поликарповым* были обследованы следующие села: Нижнедевицкого у.—Турово (общие историко-этнографические сведения), Никольское на Еманче (тоже и постройки), б. Коротоякского у.—Дракино (ист.-этногр. сведения, постройки и одежда).

За это время им сданы в редакцию «Краеведч. Сборника» и «Известий Вор. Кр. Общества» статьи: «Указатель литературы по этнографии Воронежской губ. Вып. I» (1914 г.), «Отражение быта в современной частушке», «Этнографическое обследование с.с. Турова и Никольского на Еманче», «Туба», «Этнограф. Отдел Воронеж. Музея и его новые поступления»; в Никитинский музей им сдана рукопись: «Нижедевицкая долгая песня» (сборник старых песен, собранных во время академической командировки в Нижедевицкий у. в 1908 году, — которому предпослан вводный очерк).

Осенью того же года членами Этнографической Комиссии на 2-ой Областной Конференции были сделаны доклады: *А. М. Путинцевым* — «Народная сказка, как произведение бахарского искусства» и *Ф. И. Поликарповым* — «Организация Этнографического Отдела в Краевом Музее. — Опыт руководства» (сдан в ред. «Ворон. Краеведч. Общества») и «Программа для собирания сведений общего историко-этнографического характера» (в Бюллетене Второй Обл. Конф. по изуч. Ц. Ч. О., № 2, Воронеж, 1925 г., были напечатаны резолюции по докладам — *А. М. Путинцева*, стр. 32, *Ф. И. Поликарпова*, стр. 31—32, 33—34; по последнему докладу, между прочим, «конференция признала необходимым: опубликование в печати и широкое распространение в пределах области этой программы, при чем ответы на нее поступают в местные губернские музеи или краеведческие общества», но, по недостатку средств в распоряжении союза краев. организаций, этого не сделано).

Воронежской этнографией заинтересовалась и Воронежская школа. По просьбе преподавателей школы-коммуны и по предложению Ворон. Краев. Общества *Ф. И. Поликарповым* была составлена краткая этнографическая программа, по которой и работали учащиеся в Ивановской вол., Усманского уезда (см. «Летняя школа. Опыт работы девятилетней школы-коммуны». Воронеж, 1905 г., изд. ГубОНО).

Проф. *А. М. Путинцев* продолжал в Воронежском университете вести лингвистико-этнографический семинарий, при чем многие из студентов Педаг. факультета избирали для своих рефератов и дипломных работ лингвистические и этнографические вопросы.

Кроме того им-же продолжалось обследование печатного и рукописного материала в Ленинграде, начатое в 1924 г. (Публичная библиотека, архив Р. Г. О. и пр.), собирались песни Землянского у. и напечатаны: «Из устной поэзии талагаев: 1) «Острожницкая песня», 2) «Как поп жеребенка высиживал» (Ворон. Кр. Сборн., в. 3, 1925 г.) и «Сказка П. П. Ершова «Конек Горбунок» и ее источники» (Учен. Зап. Ворон. Госуд. Унив., т. I, стр. 339—358).

Н. В. Валужинским в Сборнике Ворон. Гос. Музея, в. I, Воронеж, 1925 г., стр. 45—50, напечатана ст.: «Глиняные народные игрушки» (с рис.) и отдельно литографским способом: «Деревня Воронежской губ.» (7 листов с рис. изб и домашней обстановки).

В «Известиях Ворон. Краеведч. Общества» за 1925 г. были напечатаны статьи: *И. П. Тарадина* — «Песни современной деревни и отражение в них

ее быта» (№ 3, стр. 9—14; № 4, стр. 13—18); *Г. И. Фомина*—«Кулачные бои в Воронежской губернии» (№ 3, стр. 14—18; № 5, стр. 13—17; № 6, стр. 11—15; отд., Ворон., 1926 г., 12 стр.); *акад. А. И. Соболевского*—«Два слова о местных названиях» (№ 4, стр. 9—10), *В. П. Княжинского*—«Знахарство в XVII веке,—Архивные странички» (№ 6, стр. 15—16) и *Ф. И. Поликарпова*: отзыв о «Бюллетене» Музея слоб. Украины (№ 2, стр. 24) и «Совещание Воронежских краеведов» (№№ 3 и 4, см. стр. 21—22 —об этнограф. работе).

Известный собиратель народных песен *М. Е. Пятницкий* в сентябре 1925 г. демонстрировал в Воронеже валики с только что напетыми похоронными причитаниями и песнями с. Собакиной Усмани, Воронежской у.

III.

1926 год был менее удачлив для Воронежской этнографии: и Этнографическая Комиссия, по независящим от нее обстоятельствам, работала менее энергично и отдельные лица проявили меньшую интенсивность в работе. Однако, и в этом году продолжалось хорошо налаженное дело.

Этнографической Комиссией, на средства Главнауки, была организована экспедиция в «цуканский» район Воронежского у., (с. Московское-Меткино), в работах которой принимали участие: *Н. В. Валужинский* (общие сведения о селе, постройка, утварь), *Ф. И. Поликарпов* (одежда и занятия), *А. М. Путищев* (дух. культура: говор, творчество, обряды; пища и напитки, голодный хлеб, обрядовое печение, записан ритуал красной свадьбы) и *Д. Д. Леонов* (фотография).

Для Этнографического Отдела экспедицией приобретено свыше 130 предметов (одежда, утварь и пр.). Собранный во время экспедиции материал прорабатывается.

Ввиду включенного в пятилетний план работ Комиссии обследования украинского района, *Н. В. Валужинским* была предпринята совместно со слушателями педагогического техникума предварительная разведка в с. Шумейка, во время которой им были сделаны зарисовки и приобретено для Отдела несколько предметов, а *Д. Д. Леоновым* сделаны фотографические снимки (одежда, постройки), поступившие также в Отдел.

Н. В. Валужинским напечатаны «Примитивы из дерева в Воронежской губернии» (Изв. Кр. Общ., № 10—12, стр. 6—10) и подготавливается к печати: «Искусство деревни Воронежской губ.», «С. Московское—Меткино. Исторический очерк», «Постройки, утварь и сельско-хоз. инвентарь с. Московского» и «Быт рабочих суконных фабрик Ворон. губ. в крепостное время».

А. М. Путищевым подготавливались к печати: статья «Табачек в обиходе и поэзии южно-великоруссов» и материал для монографии: «Южно-великорусская частушка», в которую войдет около 5000 частушечных текстов; из них около 3000 было собрано при помощи корреспондентов в 1919—1926 годах и 2000—лично.

да. В бедных семьях поминальные обеды: а) скоромный: холодец бараний, „квас“, щи с бараниной, жареная баранина, каша с коровьим маслом, б) постный: „квас“, лапша черная на конопляном масле, жареные окуни, каша, а свадебный обед: холодец говяжий, квас, щи с говядиной, вареная говядина, жареная курица, каша молочная, блинцы. Конечно, в бедных семьях в обедах не только меньше „пирямен“, но и самые кушанья подаются не в таком изобилии.

Еще несколько добавочных слов о постничанье и детском питанье. Постничают теперь редко, но большей части старухи. Днями поста являются, кроме обычных церковных постов, еще понедельник. Под постом обычно здесь разумеют неупотребление в пищу скоромного, т. е. мяса, яиц, молока и масла. Это однако относится к обычному посту, напр., в среды и пятницы, петровский пост. Более строгий пост—на первой, четвертой и последней неделях великого поста, когда не употребляют из постного даже рыбы. Наконец есть самый строгий пост, когда не едят совсем ничего, напр., на „Свечки“ (т. е. 5-го января по старому стилю), дожидаясь „звезды“, точнее вечерни, когда приносят освященной „ярданской“ воды.

Детское питанье здесь обставлено так же, как и везде в деревнях. Уже на третий день матери дают детям „сосок“ (это мягкая тряпочка, наполненная каким-нибудь „с'ядобным“ и перевязанная ниточкой); кормят до 1 года, а иногда даже до 1½ года. Некоторые кормят и без соска; дают с'едобное в жеванном виде. „С'ядобное“ бывает разное, в зависимости от зажиточности: в зажиточных семьях сосок наполняют молочной кашей—манной, пшенной и гречневой, размоченным в сахарной воде кренделями и белым хлебом; в бедных семьях кладут пшенную молочную кашу, размоченные крендели, даже черный хлеб. Очень рано начинают поить детей молоком, наливая его в пузырек (по большей части употребляют посуду от казенного вина—„сотку“ с насаженным на нее резиновым соском; молоко употребляют не всегда кипяченое, добавляют воды, сколько придется. Через год, а иногда через 1½ года, детям дают почти все то же, что едят и взрослые, добавляя молочную кашу. Так идет лет до 2—3, после чего ребенок ест все, что подается взрослым.

Мы исчерпали материал, собранный нами. Не так уж он значителен, особенно по проникновению в глубь старины, в смысле извлечения сведений, характеризующих эволюцию данной стороны местного быта. В собранном нами материале преобладают те сведения, которые характеризуют последнее время, не восходя, может быть, дальше нескольких десятков лет. Да иначе и не могло быть при кратковременном экспедиционном обследовании села с этнографической стороны. Здесь нужна постоянная работа местных людей, сельской интеллигенции. Она при известном старании, исподволь, могла бы собрать обильный материал, при том, несомненно, могла бы более детально захватить обследованием местный быт.

Еще одно замечание. Комментировать собранный материал нет возможности по той причине, что его даже в таком виде, как в настоящем очерке, очень мало и даже, можно сказать, нет; его надо еще накапливать.

Сделано, что можно было сделать. Призываем местных людей—сельскую интеллигенцию—изучать свою местность в этнографическом отношении и в качестве некоторого пособия предлагаем свою сжатую программу. О важности этого дела, конечно, излишне говорить, скажу лишь одно, что оно и нетрудно и приятно.

Заканчивая очерк о пище и напитках в верховом цуканском селе, изложенный по необходимости сжато, считаю необходимым в заключение сделать несколько обобщающих замечаний.

1. Питание московцев, как и везде, находится в тесной зависимости от экономического благосостояния семьи, при чем у них продуктами для пищи и напитков служат почти исключительно произведения местной природы и хозяйства.

2. Запрет на некоторые виды пищи здесь существует, как установившаяся истари традиция, но он не велик по захвату, и чего-либо особо выдающегося здесь мы не найдем; традиция эта была несколько ослаблена в голодные годы последнего времени.

3. Условия и обстановка приготовления пищи и напитков (устройство печи, погребов, посуда и проч.) у московцев не представляет также чего-либо особенного, сравнительно с южно-великоруссами вообще, а с соседними южно-великорусскими селами, напр., талагайскими, в частности.

4. При приготовлении пищи и напитков здесь обычными способами являются: варка, жареное, пареное, печенье, сушка, соленье, моченье и квашенье, т. е. обычные великорусские способы; состав кушаний довольно разнообразен, при чем они являются традиционными; обрядовая пища сохранилась очень слабо.

5. В отношении всяческих видов хлебного печенья мы наблюдаем ту же традиционность, при чем обрядовое печенье, связанное с календарными днями и событиями семейной жизни, здесь сохранилось значительно.

6. Питание московцев, как и в других соседних селах, в голодные годы последнего времени было отличным от традиционного; оно характерно введением в пищу различных суррогатов чисто местного происхождения и употреблением мяса, не узаконенного традицией.

7. Детское питание, как нечто особое, здесь, можно сказать, не существует; некоторые частичные отличия пищи детей существуют лишь до 2—3 первых лет жизни ребенка.

8. Напитки у московцев являются традиционными, они такие же, как и у других южно-великоруссов; для последних лет характерно употребление самогона; обрядовых напитков здесь нет.

9. Распорядок приема пищи здесь ничем особым не отличается сравнительно с соседними великорусскими селами—цуканскими и талагайскими; влияние старинной традиции, ослабленной лишь в последнее время, чувствуется в бытующем теперь распорядке.

10. В виду крайней ограниченности сведений о пище и напитках русского населения и научных этнографических исследований по этой части мы воздерживаемся от комментариев в целом к собранным материалам; к некоторым из них мы надеемся дать комментарии в другом месте.

П р и м е ч а н и я.

1. Из цуканских сел называют *верховыми* те села, которые расположены по верхнему течению р. Хворостани. Как известно, только в низовьях этой речки есть талагайские села, а то она сплошь занята цуканами.

2. Прозвище *цуканы* существует до сих пор. Происхождение его мы объясняли раньше от слов: *чукавый* (это слово и сейчас существует здесь, по устному сообщению А. Н. Небольсина)—догадливый сметливый или *чукан*—щеголь. Цуканы, пришедшие из-под Москвы и при том после талагаев, оказались в сравнении с последними более щеголеватыми и предприимчивее. (См. об этом в нашей статье, напечат. в „Живой Старине“ 1906 г., вып. I). Существует другое объяснение—из особенностей цуканского говора (цоканья—принадлежащее проф. Д. К. Зеленину („Живая Старина“, 1904 г., вып. I и др. статьи).

3. Прозвище *талагаи* тоже существует до сих пор. Происхождение его мы объясняем из особенностей одежды талагаев—длинной белой рубахи с „полеками“, как у женщин; слово: *талагай*, по В. И. Далю,—верхняя мардовская женская рубаха с вышивками). По мнению проф. Д. К. Зеленина (упом. сочин.), прозвище возникло из особенностей талагайского говора, от слов: *тлалала*—*гаять* (дурно говорить) или *тлалалакать* (дурно выговаривать).

4. Во время последних наших обследований талагаев и цуканов Ворон. губ. (Вор. и б. Корот. у.) на месте, в 1920, 1925 и 1926 годах, мы различия в говоре талагаев и цуканов не заметили; в местах соприкосновения эти обе группы населения говорят одинаково. Во всяком случае в говоре верховых цуканов, в произношении и старых людей, мы никаких даже признаков цоканья не наблюдали. У теперешних талагаев и цуканов песни, как старые, так и новые (*страданья, приказки*) одних и тех же типов.

5. Вследствие потери привезенных растений, служивших примесью в голодный хлеб, точно ботанические названия установить нет возможности.

Для печати, вследствие ограниченности места, мы статью сократили вдвое.

Приложение.

ПРОГРАММА

для собирания этнографических сведений о пище и напитках местного населения.

1. Укажите, к какому типу (напр., великоруссы) относится данное население и какую кличку оно носит (напр., цуканы, талагаи). Сообщите, откуда, когда и как оно пришло и осело здесь. Опишите занятия жителей, экономические и культурные условия их жизни, а также религиозное состояние (напр., старообрядцы, православные) прежде и теперь.

2. Опишите природные условия местности. Сообщите, что сеяли и садили раньше и что теперь сеют и садят в поле, огороде, саду и на бахчах, а также какую скотину и птицу водили прежде и водят теперь. Сообщите, что из покупного (из лавок, с базара) шло раньше и что идет теперь в пищу. Сообщите о запрете на некоторые виды пищи (напр., на падаль, яблоки до Спаса и т. п.) в прежнее время и теперь и чем его здесь объясняют.

3. Опишите прежнюю и теперешнюю обстановку (погреб, печь, посуда и проч.), в которой готовится пища, а если возможно, то зарисуйте или сфото-

графируйте ее. Укажите, кто обычно готовит в больших семьях (где больше двух замужних женщин), в чем заключаются обязанности стряпухи в течение суток, а также и—по случаю семейных торжеств (напр., на свадьбу).

4. Опишите все виды хлеба и хлебного печенья как *обычного* (т. е. не связанное с поверьями, с исполнением каких-либо обычаев и обрядов), так и *обрядового* (связанного с поверьями, обычаями и обрядами), особенно *фигурного* (напр., жаворонки, кресты), относящегося к прежнему и теперешнему времени. Указывайте состав, способ приготовления и потребления (как едят), а для обрядового и относящиеся к нему поверья, обряды и проч. Сообщите, каковы были хлебные печенья в голодные годы с перечислением суррогатов.

5. Опишите все виды прежней и теперешней как *обычной*, так и *обрядовой* пищи (для последней указать поверья, обряды и проч.), расположив описание их, примерно, по таким группам: жидкие—холодное и горячее; „сытные“—вареное, жареное, пареное, стуженое, моченое, соленое, квашеное, вяленое, сырое. Опишите, каковы кушанья были в голодные годы. Описывать кушанья надо, указывая состав его, способ приготовления и потребления.

6. Опишите прежние и теперешние *обычные* и *обрядовые* напитки по тому же способу, что и кушанья.

7. Опишите все виды прежних и теперешних лакомств—домашнего приготовления и покупных, указав состав, способ их приготовления и потребления. Отметьте лакомства местного кустарного производства. Укажите лакомства, добываемые самими детьми (напр., клей на вишневых деревьях и т. п.).

8. Опишите, как распределяется день в отношении еды в зависимости от характера дня (праздник, будни), времени года (лето, зима) и друг. условий. Опишите распорядок за столом, особенно в больших семьях, прежнего и теперешнего времени.

9. Приведите составы завтраков, обедов, полудников и ужинов в разную пору года, для будней и праздников в семьях богатых, средне-зажиточных и бедных. Опишите состав полевых завтраков, обедов и т. п. Укажите, каков состав обедов был в голодные годы.

Особо опишите обеды, связанные с поминками, крестинами, свадьбой и т. п.

При собирании сведений надо стремиться к большей точности, как можно больше увеличивая число иллюстраций (чертежи, фотографии и проч.), даже собирая предметы (напр., посуду, виды печенья). Называйте предметы так, как это принято у местного населения, при чем самые названия нужно записывать с соблюдением местного говора (напр., *жавранак*—жаворонок).

Если своего музея нет, то собранный материал направляйте в Воронеж, Государственному музею (Проспект Революции, 4), где можно получить в случае надобности и соответствующие разъяснения.

Алексей Путинцев.

Март 1927 г.

ТАЛАГАЙСКИЕ ПРИБАУТКИ О ТАБАКЕ.

Среди мелких жанров устно-народного творчества прибаутки вообще, и табачные в частности, по верному замечанию *П. В. Шейна*, менее всего привлекали научное внимание; собрано их ничтожное количество, а изучение их, можно сказать, не начиналось. Между тем значение прибауток в литературном и особенно в этнографическом смысле безусловно важно.

Изучая в последнее время вопрос о табаке в обиходе и поэзии великоруссов, мы извлекали соответственный материал из старых изданий, учитывая и прибаутки о табаке; кроме того, счастливая случайность дала нам возможность записать три новых прибаутки у талагаев.

В своей ценной статье «Приговоры или причеты о табаке» («Труды Отд. Общ. Ест., Антроп. и Этн. при Моск. Унив.», кн. VI, Москва, 1886 г., стр. 179—184) *П. В. Шейн* отмечает, что бытование указанных причетов в народной среде связано с процедурой нюханья и курения. Это вполне относится к публикуемым здесь последним двум прибауткам.

Как и обычно, записанные нами прибаутки облечены в своеобразную художественную форму, характерную между прочим своей размеренной речью. Они записаны были нами от талагаев-стариков. Первый из них, *Кобылин*, из с. Сторожевого, г. Коротояк, ныне Острогж. у., является коренным селянином, а по профессии рыбаком. Он балагур, любитель нюхать табак. От него мы (в 1925 г.) записали еще два прибауточных рассказа чисто-скоморошеского характера, при чем и исполнение их было также любопытным: рассказ про старика и старуху он исполнил тоном рашника, а про попа нараспев, на манер дьячковского чтения. Усвоил прибаутки *Кобылин* от деда, будто бы, по его словам, искусно рассказывавшего «басни» (местное название сказки). Второй—старик штукатур, *Неврюев*, из с. Запрудского Ворон. у., попался в 1926 г. в Воронеже; он сюда приходил на заработки. Это тоже веселый старичок и большой любитель нюханья и куренья; кроме двух табачных прибауток (№ 2 и 3), от него были записаны еще 16 «протяжных» песен. Прибаутки *Неврюевым* усвоены были от стариков-односельчан, но от кого именно, он не упомянул.

Манера исполнения табачных прибауток у обоих стариков была одинаковой. Прибаутки произносились обыкновенным «говором», в некоторых местах нараспев и с остановкой после рифм. Некоторые слова подчеркивались усиленным напряжением голоса, как это в прибаутке № 3: «хар—рош!» Поводом к исполнению прибаутки являлась подготовка к куренью и нюханью (когда не спеша свертывалась цыгарка или выбиралась щепотка табаку для нюханья).

Этим за недостатком места ограничиваем свое сообщение; публикуем прибаутки с целью обратить внимание краеведов на записывание таких, а также и других произведений данного жанра (выкрики на базарах и проч.). Рекомендуем при записи прибауток обращать внимание на то, чтобы: 1) отме-

чать, в какой социальной среде бытуют прибаутки и при каких случаях употребляются, а также от кого они были усвоены теперешними исполнителями; 2) дать характеристику последних, стараясь подметить и конкретно описать манеру исполнения; 3) текст, как обычно, желательно записывать точно, с передачей особенностей говора, отмечая, где, когда и от кого была произведена запись; слова малопонятные надо об'яснить.

Прибаутки.

I.

А ну-ка, давайте, понюхайм табаку насавова,
Ды памяним Марку лясавова,
Трюху ды Матрюху ды тётушку-гарбуху,
Ды дедушку Трихфана,
А бабушку ф три . . . пап'рём.
Вот дык табачок!
Ни п'ярушон, ни п'р'мачон,
Скрось . . . . . п'р'валачон...
Хто нюхая табак,
Тот хужа кажонных сабак...
Табачок-та ярун, а хоз'яюшка.....

*(Записана в с. Сторожевом, б. Коротояк. ныне Острогож. у., от рыбака—
Н. Кобылина, 65 лет, в июле 1925г.)*

II.

Ну-ка, добрых людей послухайм,
Ды табачкю-насавичкю панюхайм!
Ну-ка, дядя Пахом
И в'се сим'яром!
Ваз'вядитя глаза на паталок,
Ды панюхайтя на сакалок
Йета табачок малачонай—
Ни п'р'мачонай,
Ни п'р'сушонай,
Ать няво здрав'я галаве бувайп'ть,—
И грус'ь-таску праганайп'ть...
Эх, сычас ражок разам'ну,
Ды ва весь нюх нюхну (*нюхает*)
Ч'х'и! (*чихает*) Аминь.

*(Записана у штукатура Петра Неврюева, 70 лет, из с. Запрудского Воро-
неж. уезда, в октябре 1926 г.)*

III.

Эх, дык табачок—
Ни прастой, тамлёнай,
Панскай, шпанскай,

Хар-рош табачок!
Ды хто ш тебе принёс?
Принес йиво Йиремя—

Целаю биремя.	Ехал он на рыдвани
— Ды хто ш тебе садил?	Утрам парани,
— Ды дедушка Завадил,	Спрасонья или спьяну,
С вясны на осинь,	Папал у яму...
Гадоф на восимь.	Ды там сканьчалси,
— Ды хто ш тебе тамил?	А мне йиво табачок дасталси.
— Дядюшка Кирил,	Эх, дык табачок-гарюнок,
Ды тетка Матрёна,	Хар-рош!
Вьсе паровну.	Бис йиво бы жить—
— Ахто тебе малол?	Всю жись тужить..
— Малол кум Митроха,	Ну-ка... Эх, нясу, падьясу
В йом ума трохи.	К самому насу!

(Записана у Петра Неврюева, штуркатура, 70 лет, из села Запрудского
Воронеж. уезда, в октябре 1926 года).

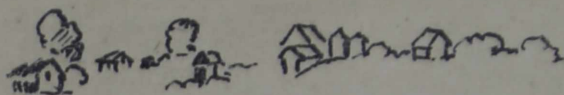
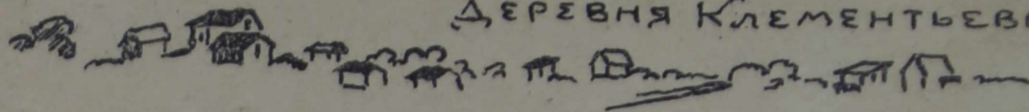
Примечания к текстам прибауток.

- № 1. Прибаутка плохой сохранности, с вероятными пропусками и вставкой без смысла старообрядческого происхождения пословицы: „Кто нюхает табак, тот хуже каженных (бешеных) собак“ (ср. у В. И. Даля в его словаре, т. IV, стр. 395, изд. 1882 г.—, „кто нюхает табак, тот хуже собаки“). Начало прибаутки схоже с началом Шейновской № 4, Орлов. губ., Елец. у. (см. упом. выше труд его), а конец без пословицы, несколько напоминает начало Шейновской № 3, из г. Витебска (там же) *Трюха*—уничж. слово от *Трифон. Матрюха*—то же от *Матрена. Ярун*—крепкий, один из употребительных эпитетов табаку.
- № 2. Прибаутка имеет некоторое сходство с Шейновской № 1, Тульск. губ.; любопытна тем, что упоминает про вымершую теперь манеру нюхать табак *с соколка*, т.-е. нюхать насыпанную щепоть табаку в ямочку у большого пальца: происхождение манеры нюхать „с соколка“ объясняется желанием не пачкать пальцев, которыми приходится креститься и брать пищу.
- Малочанай табак**— приготовленный посредством толченья (иногда в ступе) для нюханья.
- Тамленай табак**— сушеный в тени, выдержанный, а не *зеленеи*, т. е. на-скоро высушенный на солнце
- Ражок**— вид старинной табакерки, употребляемой и теперь в деревнях Ворон. губ.; она сделана из коровьего рога; к широкой ее части приделывается дно из дерева; в узкой части устраивается дыра—для высыпки табаку, закрываемая затычкой из дерева.
- № 3. Прибаутка представляет в начальной части более распространенную редакцию Шейновской № 6, Псков. губ.; Порхов. у.; в нашей увеличено число вопро-со-ответов; конец близок к конечной части Шейновской № 3, из г. Витебска,
- Митроха**— унич. слово от *Митрофан* (популярное имя в Ворон. губ.)
- Трохи**— немного.
- Рыдвань, рыдванка**— у талагаев вид повозки с равными по ширине и высоте дугами в противоположность *телеге*, имеющей зад уже и выше, чем перед.
- О талагаях см. в предыдущей статье.

Алексей Путинцев.

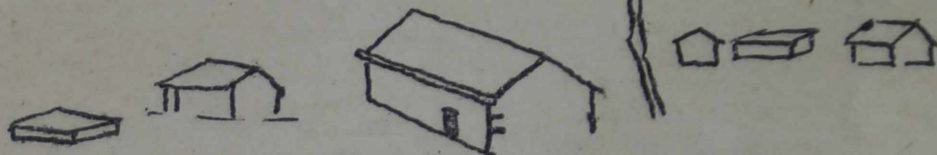
К СТАТЬЕ Н. В. ВАЛУКИНСКОГО: „МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ ДЕРЕВНИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ“

ДЕРЕВНЯ КЛЕМЕНТЬЕВКА.

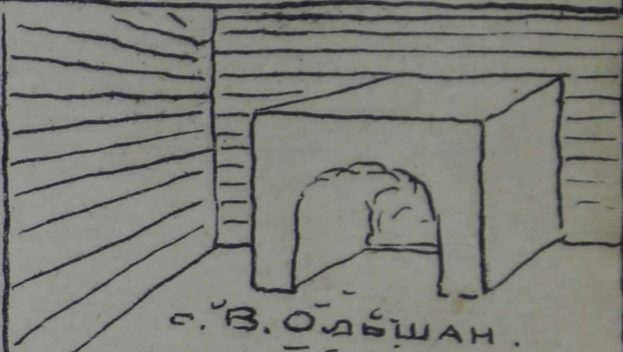
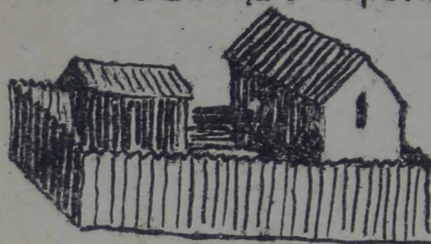

К СТР. 4

сл. ЧИЖОВКА

НА ОСТРОВЕ ПОД Г. ВОРОНЕЖИМ

с. В. ОЛЬШАН.

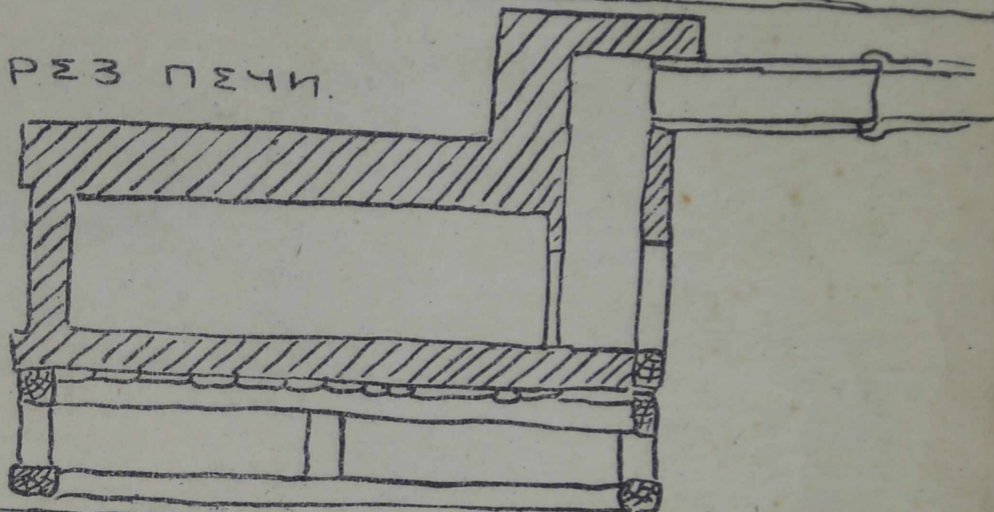
с. ПРИВАЛОВКА.

ПЕЧНОЙ УГОЛ В ИЗБЕ
С. МОСКОВСКОГО

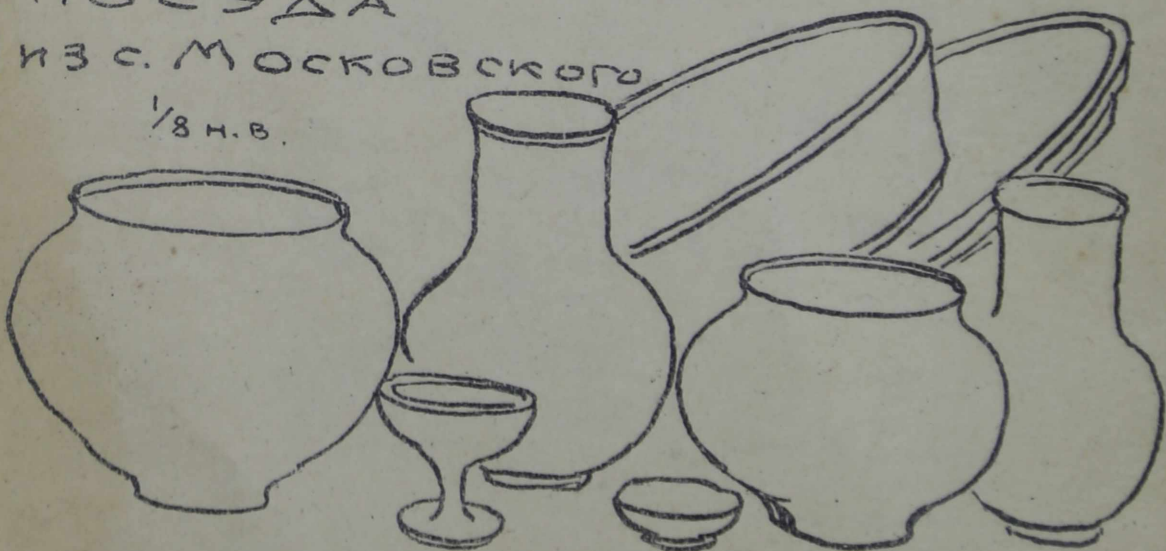
РАЗРЕЗ ПЕЧИ.

$\frac{1}{50}$ н.в.

ПОСУДА
ИЗ С. МОСКОВСКОГО

$\frac{1}{8}$ н.в.

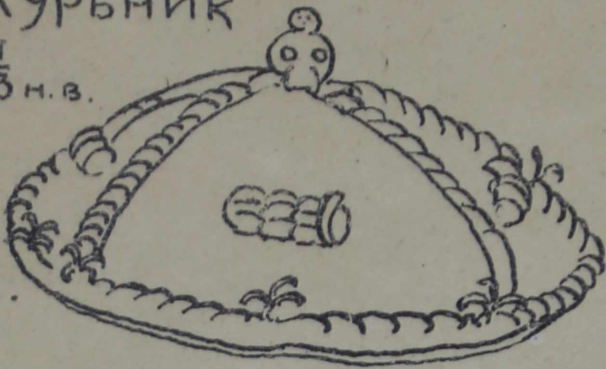

К СТАТЬЕ А. М. ПУТИНЦЕВА: "ПИЩА И НАПИТКИ

В ВЕРХОВОМ ЦУКАНСКОМ СЕЛЕ"

Курьник

$\frac{1}{3}$ н. в.

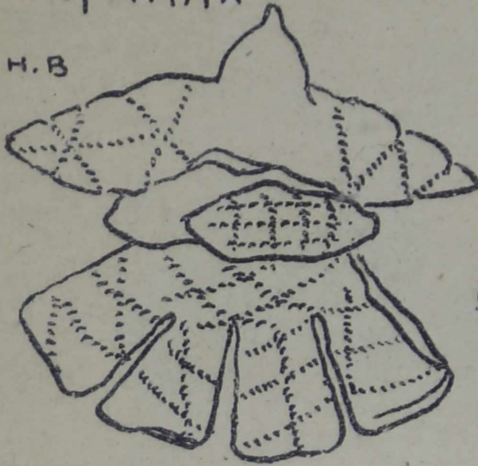
Калач

$\frac{1}{3}$ н. в.

Жавранак

$\frac{1}{3}$ н. в.

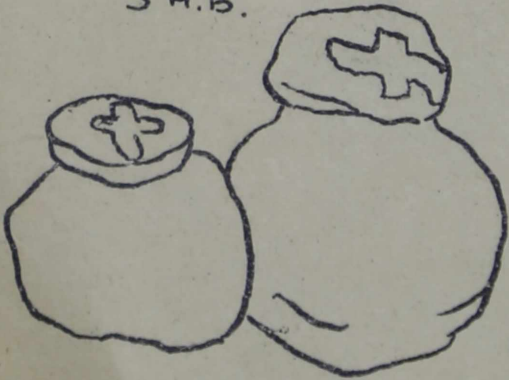
Лесьница

$\frac{1}{3}$ н. в.

Прасьвірки

$\frac{1}{3}$ н. в.

Хрясты

$\frac{1}{3}$ н. в.

